

А.Л. РОЧЕВА

ИССЛЕДОВАНИЕ ОПЫТА РОЖДЕНИЯ ДЕТЕЙ ЖЕНЩИНАМИ-МИГРАНТАМИ: ПРОБЛЕМЫ ДОСТУПА В ПОЛЕ

В статье обсуждается проблема физического и социального доступа к полевым данным во время исследования чувствительной темы: рождение детей в мигрантском сообществе, которое традиционно считается труднодоступной средой. Мы рассмотрим особенности того, как получить доступ в поле с помощью методики уличного интервью и конформной выборки¹, в сочетании с методом снежного кома. Основу нашего обсуждения составляет эмпирическое исследование, проведенное летом 2011 года в Москве среди мигрантов из Киргизии.

Ключевые слова: доступ в поле, конформная выборка, уличные интервью, чувствительная тема, миграция, рождение детей.

Получить доступ в поле — задача, с которой исследователь сталкивается с самого начала проведения полевой работы и решать которую, прилагая к этому немало усилий, он вынужден на протяжении всего проекта [31, р. 41]. В данном случае *доступ* следует рассматривать как процесс [27, р. x], скорее сравнимый с очисткой репчатого лука, когда шелуху снимают постепенно, слой за слоем [13 — цит. по: 8, с. 90], нежели с преодолением «границы» или «входом в дверь» [27, р. ix; 28, р. 195]. В литературе предлагается множество вариантов разделения доступа на этапы, или уровни (см. обзор: [34]). Как наиболее простой вариант выделяют доступ физический и социальный [28, р. 198]; для исследователя это означает возможность не только

Рочева Анна Леонидовна — аспирант Института социологии РАН.

Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, комн. 201. **Телефон:** (499) 128-56-51.

Электронная почта: anna.rocheva@gmail.com

Автор выражает искреннюю благодарность Д.М. Рогозину за обсуждения и советы, а также Л.А. Козловой — за высказанные замечания.

¹ Конформная выборка (convenience sampling) — одна из разновидностей неслучайной выборки, по определению Д.М. Рогозина, «осмысленно ориентированная на работу с доступными единицами... [задача которой] — приспособление, или адаптация, к существующей коммуникативной среде» [16, с. 25]. Доступность определяется через три составляющих: стоимость поисков потенциальных респондентов; географическая концентрированность выборки; готовность респондентов участвовать в опросе [22, р. 149].

физически присутствовать в интересующей его социальной среде, но и благодаря выстраиванию доверительных отношений с информантами «проникать» в информацию, которой не делятся с «чужаками».

В литературе практически невозможно найти универсальные рекомендации, как получить доступ в поле², собственно такое положение справедливо и для полевой работы в целом [6, с. 11]. Однако в вопросе доступа выделяют несколько «отягчающих» обстоятельств, при которых исследователю, скорее всего, придется приложить больше усилий, чем обычно. Во-первых, изучение «закрытых» и/или «невидимых» сообществ — к ним относят среду мигрантов, особенно недокументированных, и этнические меньшинства [23; 47]. Во-вторых, повышенная чувствительность темы [34, р. 43; 40], при которой «вторжение» исследователя несет некоторую угрозу информантам — когда затрагивается сфера частного и/или сакрального (как правило, сексуальность, рождение, смерть), когда появляется опасность стигматизации, когда в поле наблюдаются конфликтные группы или ситуации [40, р. 4]. В-третьих, индивидуальные характеристики самого исследователя — этническая и/или расовая идентификация [44, р. 85], возраст [45], пол [27, р. 7; см. также 24]. С одной стороны, они могут затруднять или даже делать невозможным доступ в определенные социальные среды [44, р. 85], с другой — например, общая этническая идентичность исследователя и сообщества может содействовать более легкому доступу³ [50]. Чем дольше длится контакт исследователя с информантами, тем более благоприятные условия создаются для доверительных отношений, позволяющих преодолеть серьезность существующих различий [43]; однако не всегда дизайн исследования позволяет выстраивать долговременные взаимоотношения [47].

В случае, когда изучается чувствительная тема или когда группа потенциальных информантов малочисленна, скрыта, ускользает и/или относится к девиантным [41], возможно использовать различные методики доступа. Например, для поиска информантов широко применяются разные варианты выборки методом снежного кома. Во избежание перекоса, связанного с тем, что все информанты представляют только одну социальную сеть, при использовании метода снежного кома привлекают сразу несколько источников потенциальных информантов; в

² Возможно, за исключением трехчастной формулы «гибкость – настойчивость – удача» (flexibility, persistence and luck) [27, р. 8].

³ Впрочем, для исследователя-инсайдера могут возникать другие трудности, например необходимость остраивания, что требует больших усилий. О неоднозначности дихотомического разделения «исследователь – инсайдер» и «исследователь – аутсайдер» см. [29; 43].

частности, при исследовании миграции их поиск может вестись через личные социальные сети исследователей, объявления в газетах (особенно в изданиях, которые выпускают сами мигранты), диаспоры, религиозные организации, списки рассылок, виртуальные социальные сети [53, p. 215].

В США, при изучении проблемы недокументированных мигрантов из Мексики, результативным оказалось проведение подготовительной работы⁴. Она заключалась в том, что исследователь разыскивал в Мексике родственников мигрантов и устанавливал контакты как с ними, так и с «профессиональными мигрантами» [53, p. 215]; кроме того, он заручался рекомендациями и получал сведения, необходимые для поддержания разговора (например, о родном городе информанта), что способствовало выстраиванию доверительных отношений.

Метод снежного кома может быть применен вместе с конформной выборкой. Так, исследование маятниковых миграций между Словакией и Австрией опиралось на попытки провести интервью и завязать контакты на автобусных и железнодорожных станциях, соединяющих две страны; дальнейший отбор происходил уже при помощи выборки снежного кома [35]. Конформной выборкой можно назвать и тактику испанского исследователя, выбравшего своим полем очередь перед миграционной службой [47].

В российских исследованиях поиск информантов происходит часто по месту работы (например, в Санкт-Петербурге основой этнографии стали рынки [3; 4]). При массовых опросах выборка строится по месту работы или сфере занятости [9; 10]. Построение такой выборки, с одной стороны, довольно удобно для исследователя (поскольку повышает вероятность найти потенциальных информантов), с другой стороны, оно может усугублять экономический подход в существующих представлениях о миграции⁵ [17] и сужать рамки восприятия («мигранты — это те, кто работает на стройках, рынках и других подобных местах»). Поиск информантов на местах их работы теряет эффективность, если перед исследователем стоит задача изучить опыт женщин-мигрантов, недавно родивших ребенка в России. В данном случае эффективнее искать информантов на улице; при

⁴ Часто полевая работа в посылающих странах воспринимается не как подготовительная, а как полноценная часть всего проекта, выстроенного в режиме, охватывающем несколько географических точек (multi-sited ethnography).

⁵ Отражением этого является зачастую синонимичное использование терминов «трудовой мигрант» и «мигрант» в русскоязычной литературе по миграционной тематике.

этом удастся решить и еще одну задачу — несколько раздвинуть рамки экономического подхода, поскольку в объект внимания попадают представители разных социальных слоев: предприниматели; работники посольств; домашние работники; люди, пребывающие вне сферы оплачиваемой занятости. По всем этим причинам наиболее целесообразным мы посчитали поиск информантов на улице⁶.

Важно учитывать и следующее. Вопрос доступа тесно связан с невидимыми «границами», которые исследователь намерен «пересечь»; в любом случае он конструирует само поле (и его границы) [28, р. 197] — будь то организация или сообщество на острове. В исследовании миграции уже само определение «мигрант» создает ограничения [21]. При обозначении объекта исследования — в данном случае это люди, именуемые «мигрантами», — конструируется некий образ, причем не только в понятиях «гражданство», «место проживания», «режим проживания», но и в понятиях класса (ср. с исследованиями туризма [51])⁷, этничности («этнизация миграции» [12]), а до недавнего времени — пола [11; 33].

В настоящей статье мы обсудим особенности такой полевой тактики, как получение доступа в режиме уличных знакомств для исследования на чувствительную тему, касающуюся рождения детей. В случае уличных интервью физический доступ в публичное пространство не ограничен, но ограничена возможность завязывать разговор и выстраивать доверительные отношения. Насколько действенна подобная стратегия при исследовании чувствительной темы в сообществе мигрантов? Именно на этот вопрос нам предстоит ответить. Для этой цели мы последовательно рассмотрим следующие темы: исследовательскую задачу и методiku; достижимость информантов при уличных обращениях; специфику выстраивания интервью; доверительные отношения; особенности доступа как источник информации о поле.

Исследовательская задача. Методика исследования

В центре внимания настоящего исследования находится влияние фактора географической мобильности на беременность и рождение ребенка. В частности, важно выяснить: насколько для женщины миграция меняет нормативную модель жизненных событий;

⁶ Хотя надо признать, что поиск информантов на улице исключает возможность разговора с теми людьми из Киргизии, которые, находясь в менее благоприятном положении, отсутствуют по тем или иным причинам в публичном пространстве Москвы.

⁷ Эта тема поднималась на Круглом столе Центра независимых социологических исследований в рамках сессии «Исследования миграции в ЦНСИ: опыт последних лет», 19 апреля 2012 г.

как мобильность ограничивает возможности и какие ресурсы представляет для беременности и рождения детей. Эти вопросы имеют принципиальное значение для любого из трех уровней анализа такого события, как рождение ребенка женщиной-мигрантом. Во-первых, деторождение традиционно признается одним из значимых событий в жизни женщины [37]; во-вторых, это событие укоренено в контексте семьи; в-третьих, оно неизбежно происходит в социальном контексте, поскольку ни одно общество не оставляет вопросы воспроизводства на усмотрение индивидов или домохозяйств [52, р. 67]. Аналогично, миграция представляет собой проявление индивидуальной активности человека, однако при этом ее нельзя рассматривать в отрыве ни от социальных сетей, являющихся ее проводниками, ни от попыток национальных государств регулировать человеческие потоки.

Летом 2011 года в Москве при участии автора было проведено эмпирическое исследование женщин-мигрантов⁸ из Киргизии. Выбор географии обусловлен тем, что Москва представляет собой наиболее привлекательный регион в России для мигрантов, а доля женщин среди мигрантов из Киргизии наиболее высока в их потоке из стран Средней Азии⁹, который для России является самым многочисленным [19]. В качестве информантов в силу обсуждения специфического опыта материнства выбирались женщины. Тем не менее мужчины не были исключены из исследования: во-первых, они периодически принимали участие в интервью; во-вторых, упоминания мужей, отцов, братьев так или иначе присутствовали в повествовании женщин. На это указывает Р.С. Парреньяс: «Любой разговор о женском гендерном опыте — это уже всегда отсылка к мужскому гендерному опыту...» [46, р. 4].

Список мест Москвы, где велись уличные разговоры, не был задан изначально, а формировался в процессе полевой работы, иногда с помощью самих информантов. Как утверждает географ О. Вендина, «реальных этнических кварталов в Москве пока нет» [5, с. 90], поэтому отбор проводился исходя из ожидаемой высокой концентрации

⁸ В рамках данного исследования мигрантами мы называем людей, которые родились и выросли в Киргизии, но сейчас проводят какое-то время в Москве; фактор гражданства принимается во внимание как оказывающий влияние на конкретный жизненный опыт, но не является ведущим в определении мигрантов.

⁹ По данным исследования, проведенного Центром этнополитических и региональных исследований для НИУ «Высшая школа экономики» в 2011 г. (N = 8499, 8 регионов РФ), доля женщин среди мигрантов из Киргизии составила 38,7%, что значительно выше, чем среди мигрантов из Узбекистана и Таджикистана (22,9% и 19,9% соответственно).

приезжих из Киргизии. Места выбирались на основании двух принципов: высокая концентрация людей (например, улицы, соседствующие со станциями метро) или наличие какого-либо объекта, привлекающего наибольшее количество мигрантов из Киргизии. Такими объектами были посольство Киргизии, вокруг которого сложилась своеобразная инфраструктура услуг для мигрантов, включающая агентства по продаже авиабилетов; медицинская частная клиника, которая пользуется популярностью среди мигрантов из Киргизии и где, по словам информантов, работают врачи-киргизы; национально-культурный центр Киргизии; ВВЦ (в прошлом ВДНХ), где опрос проводился во время праздника «Дни стран СНГ»; стадион в районе станции метро «Молодёжная», который служит центром притяжения многих мигрантов по вечерам. Опрос проводился в тринадцати местах Москвы; всего было сделано 157 обращений¹⁰.

Попытки завязать разговор предпринимались с женщинами в возрасте от 18 до 49 лет¹¹, фенотипически похожими на приехавших из Киргизии, встречавшимися в одиночку или в обществе других людей (группы состояли не более чем из трех человек, и в них встречались мужчины). Для уличных разговоров был заготовлен краткий гайд общего характера, включающий обязательные вопросы: жизнь в России и Киргизии; семья; самое яркое событие в жизни — и опциональные: дети и рождение детей в миграции. В зависимости от ситуации варьировались порядок и степень раскрытия тем. Эти беседы служили нескольким целям: составить более широкое представление о контексте исследования — некоторый «экспресс-срез», который помогал бы в том числе в выстраивании гайдов для последующих расширенных интервью, и по возможности получить контакты тех, чьи истории могли бы быть интересны для целей исследования. В одних случаях уличные обращения сразу перерастали в расширенные интервью, в других — по полученным контактам назначались отдельные интервью. Соответственно гайд для таких расширенных интервью был сфокусирован на специфическом опыте рождения ребенка или нескольких детей в России. Интервью могли проходить как в том месте, где исследователь застал информанта (например, на скамейке в сквере), так и на ходу, если информант куда-то направлялся (исследователь сопровождает его; однажды подобная беседа завершилась

¹⁰ См. список мест проведения опроса с распределением обращений в приложении к статье.

¹¹ Возрастные рамки были заданы с учетом репродуктивного возраста, однако они не накладывали особенно жестких ограничений: не было ни одного респондента, с кем разговор не состоялся бы из-за квоты на возраст.

на кухне у информанта)¹². Таким образом, исследователь мог «кочевать» по Москве вместе с информантами. Беседы проводились на русском языке — в некоторых случаях это затрудняло коммуникацию, в силу чего часть интервью не состоялась (впрочем, доля их была небольшой — 3,2%).

Результаты обращений фиксировались в специально разработанном бланке, куда заносились нужные показатели: дата; примерное время; место обращения; пол; возрастная группа¹³ (определялась часто самим исследователем, особенно в случае отказов); этническая принадлежность; результат обращения; комментарии.

Попытки определить приехавших из Киргизии оказывались довольно результативными (см. табл. 1), что связано не столько с выбором мест, популярных среди мигрантов из Киргизии, или умением исследователя различать приехавших из разных стран, сколько со значительной долей «киргизок»¹⁴ среди женщин-мигрантов в публичном пространстве Москвы. Предпринимались попытки обратиться к прохожим на улицах, продавцам маленьких магазинов и палаток, уборщицам, то есть тем, для кого ситуация коммуникации предоставляет возможность разговора.

Таблица 1

Распределение респондентов по стране происхождения

Обращения:	Страна происхождения респондента	Частота обращений	Доля обращений, %	Доля валидных обращений, %
валидные	Киргизия	129	82,2	88,4
	Узбекистан	7	4,5	4,8
	Таджикистан	1	0,6	0,7
	Россия	1	0,6	0,7
	другие	8	5,1	5,5
	Итого:	146	93,0	100,0
пропущенные		11	7,0	
	Итого:	157	100,0	

¹² Об этнографическом исследовании «на ходу» см.: [38].

¹³ «Юный возраст» — 18–25 лет, «зрелый возраст» — 26–35 лет, «старший возраст» — 36–49 лет.

¹⁴ Кавычки указывают на то, что для исследования была важна не этническая самоидентификация, а страна, откуда приехали (потенциальные) респонденты.

Достижимость информантов при уличных обращениях.**Обращение на улице как вторжение в личное пространство**

Находиться на улице и соблюдать принцип гражданского невнимания [30, цит. по: 31, р. 43] становится проблематичным, когда вы пытаетесь инициировать коммуникацию с кем-то, кто, возможно, не желает этого. Однако, несмотря на первоначальные опасения, метод уличных разговоров-интервью оказался довольно результативным, если судить по уровню достижимости респондентов. Интервью были по крайней мере начаты в 67,5% случаев, причем с теми, кто удовлетворяет условиям квоты (приехали из Киргизии) и говорит по-русски на уровне, достаточном для ведения беседы. Доля интервью, не состоявшихся по причине плохого владения русским языком, не слишком велика (3,2% случаев). Доля завершенных интервью составила практически половину случаев (45,2%). Доля прерванных интервью — около четверти случаев (22,3%); прерванное интервью означает, что контакт состоялся, респондент начал отвечать на вопросы, но в силу каких-то причин (например, рабочая обстановка или ситуация ожидания кого-то у метро) разговор не был завершен (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение обращений по результату

Результат обращения:	Частота обращений	Доля обращений, %	Кумулятивный процент
взятое интервью	71	45,2	45,2
прерванное интервью	35	22,3	67,5
отказ от интервью	32	20,4	87,9
не подходит по квоте	14	8,9	96,8
не говорит по-русски	5	3,2	100,0
Итого:	157	100,0	

Во время исследования люди часто воспринимали обращение к себе на улице как нарушение режима комфорта. Для одних потенциальных собеседников обращение означало неудачу в их стремлении слиться с городской средой и перестать выделяться, чтобы не привлекать к себе внимания окружающих, поскольку оно чревато неприятностями (проверка документов сотрудниками МВД, визиты участкового). Для других обращение выглядело попыткой промоутеров что-либо продать или навязать рекламу какой-либо услуги — этот момент надо особенно учитывать в местах рядом со станциями метро. Наличие таких аксессуаров, как блокнот и диктофон в руках исследователя, делали всю ситуацию похожей на журналистское интервью, или, по И. Гофману, заставляли потенциальных респондентов определять

ситуацию именно таким образом, чему способствовал и режим выстраивания разговора в форме вопросов и ожидаемых ответов¹⁵. Поэтому исследователю, работающему в формате уличных обращений, принципиально важно максимально быстро обернуть ситуацию на пользу себе, то есть, по Гофману, переопределить ситуацию, чтобы его не принимали ни за назойливого продавца, ни за журналиста. В связи с этим постепенно сложились словесные конструкции обращения, которые, может быть, и не самым лучшим образом с точки зрения правил русского языка, но настоятельно подчеркивали, что с информантом заговорил не кто-либо, а социолог, проводящий «научное социологическое исследование»¹⁶.

Обращение на улице не предоставляет тех возможностей фреймирования ситуации в качестве «серьезного разговора с серьезным исследователем», заслуживающим доверия, которые дает, например, заранее назначенное интервью в кабинете с соответствующим антуражем (скажем, библиотекой) [31, р. 28]¹⁷. Подозрительность по отношению к уличному обращению (выражается, как правило, в отказах, сопровождаемых фразами типа «у меня все секретное») может усилиться из-за характера некоторых вопросов, затрагивающих сферу личного, то есть детей и семью. Проиллюстрируем это фрагментами интервью. Подобная ситуация воспринимается как вторжение «чужака» в пространство приватного, и реакция на нее бывает как невербальной, когда от интервьюера отворачиваются, отходят подальше, так и вербальной (см. фрагмент 1). В таких случаях потенциальный информант пытается получить обоснование обращаемых к нему вопросов, но не удовлетворяется ответами о социологическом исследовании (см. фрагмент 1). Переход на личный уровень, когда исследователь идет на откровенный рассказ о собственной жизни, хотя и воспринимается благосклонно, не ведет к желаемому результату — появляется подруга, и женщина уходит с ней, отказавшись дать контактную информацию или, по крайней мере, взять телефон интервьюера, чтобы связать его при возможности со своими знакомыми. Тем не менее тон прощания, особенно если интервьюера называют по имени (см. фрагмент 1) позволяет предположить, что при наличии большего времени дистанция, возможно, могла бы быть сокращена.

¹⁵ Пример анализа фреймирования интервью см. в: [26].

¹⁶ Несмотря на то, что коллеги отмечали негативную реакцию на самопрезентацию в качестве социолога [15], в нашем исследовании негативная реакция явно относилась к журналистам, а не к социологам.

¹⁷ Сложность назначения «кабинетных» интервью в таком исследовании оставим за рамками обсуждения.

Фрагмент 1¹⁸**Разговор, в котором информант отказывается говорить на чувствительную для него тему**

- И: А в каком роддоме?
А: Ну зачем вам?
И: Я ж социолог, я делаю исследование про тех, кто сюда приехал и кто тут ребенка родил.
А: Ну, я ответить не могу на ваш вопрос.
И: Почему?
А: Потому что боюсь.
И: Чего? Хотите, я вам покажу удостоверение, что я социолог?
А: *(Более громко)* Ну зачем вам вообще-то?
И: Потому что социологи делают исследования.
А: Ну, я не пойму, зачем вам. Ребенок это мой личный ребенок. Ну зачем вам. <...> Для меня вы совсем чужой человек. <...> Это мой ребенок. Это моя личная жизнь.
<...>
А: Ну ладно, Аня. Счастливо вам.

Многим потенциальным собеседникам импонировало любопытство исследователя из числа «местных», то есть «русских»¹⁹. Удивление информантов тем, что кто-то интересуется их жизнью и в принципе проявляет внимание к ним (кроме, пожалуй, сотрудников МВД), имело совсем иную — не такую, как в предыдущем разговоре, — тональность, поскольку «в обществе, где люди придавлены чиновничьим безразличием и даже насилием, сам интерес исследователей к мнению обычного человека представляет собой радикальный шаг» [18, с. 122]. Чаще всего у мигрантов складывался весьма негативный опыт общения с «местными», на этом фоне внимание исследователя из разряда опасности переходило в разряд ценности. Подобное удивление можно проиллюстрировать фрагментом 2 из интервью с девушкой 23 лет, живущей два года в России.

Фрагмент 2²⁰**Разговор, в котором обращение исследователя вызывает удивление**

- Б: Смешная такая <ты> *(смех)*.
И: Почему смешная?
Б: Не знаю почему *(смех)*.
И: Нет, почему смешная-то, правда?

¹⁸ Разговор возле станции метро «Юго-Западная». И — интервьюер, А — респондент (девушка).

¹⁹ Так исследователя идентифицировали информанты.

²⁰ Разговор возле станции метро «Молодежная». И — интервьюер, Б — респондент (девушка).

Б: Мне никто такие вопросы не задавали ни разу, как приехала, никто не спрашивал.

И: Это хорошо или плохо, что спрашиваю?

Б: Нет, это хорошо.

Социальный доступ и «слоеные» интервью по спирали

Достижимость в физическом плане — лишь один аспект работы по получению доступа в поле; возможность находиться рядом и завязывать разговор с теми, с кем хотелось бы сотрудничать, — это лишь видимая часть айсберга, а под водами скрыты попытки выстроить доверительные отношения, проникнуть туда, куда «чужаку» нет входа.

Исследователи, изучающие мигрантскую среду, бывают готовы искать в ней нечто «необычное» и «экзотическое» [2, с. 19], но наши информанты, напротив, были склонны к «нормализации» и предлагали в разговоре беспроblemную трактовку собственной жизни, подчеркивая, что «мы живем нормально», «никакого плохого сказать не могу». Стандартным началом рассказа был нарратив о тяжелой экономической ситуации в Киргизии, низких зарплатах и отсутствии работы. Преодолению этого «поверхностного» уровня рассказов способствовала демонстрация некоторого знания о Киргизии (география, административное устройство, политическая ситуация, основные достопримечательности²¹); на эту тему можно было навести разговор, задав, например, вопрос о региональном происхождении информантов. Таким образом, им давалась возможность в диалоге с исследователем, в частности, предаться приятным воспоминаниям, например, с гордостью рассказать об Иссык-Куле, а в целом — разговаривать (ср. воздействие рассказа о посещении исследователем маленьких городов Мексики на ход интервью с мигрантами в США [53]).

С момента начала полевой работы представление о чувствительности тех или иных затрагиваемых вопросов изменилось²²: о контрацепции можно было говорить спокойно, но разводы, напротив, оказались скрываемой чувствительной темой на уровне личных переживаний, с которой связана угроза стигматизации. Стигма усиливается в тех обществах, где роль женщины определяется во многом через частную сферу семьи и домохозяйства, а замужество и рождение детей считаются наиболее значимыми событиями в ее жизни. Миграция,

²¹ Информацию можно почерпнуть как из внешних источников, так и из других интервью; вписывание интервью в ряд предыдущих с помощью ссылок «мне рассказывали...» также прибавляло весомости исследованию.

²² Как это часто и бывает: «Чувствительность исследования может не быть очевидной в начале проекта, с другой стороны, тема, которая считалась чувствительной, таковой может и не оказаться» [42].

между тем, делает проблемной возможность сохранять целостность семьи и часто требует иных семейных стратегий, сохраняющих восприятие пространственно разделенных людей как членов семьи [39]. Не желая затрагивать болезненную тему в разговоре с незнакомым человеком на улице, информант прибегает к определенным уловкам: умалчивает о факте развода (фрагменты 3, 4); даже придумывает легенду о продолжении семейной жизни (фрагмент 3); затемняет само это событие и по возможности отодвигает его в прошлое, даже если развод произошел не так давно (фрагмент 4).

Фрагмент 3²³

Разговор, в котором развод утаивается и семейная жизнь выстраивается дальше

И: Планируете еще детей?

А: Может быть. На следующий год.

<...>

А: Если честно говорить, мы с мужем разошлись.

Фрагмент 4²⁴

Разговор, в котором развод утаивается, но раскрывается при ответе на другой вопрос

И: А вы замужем?

А: (Кивает головой.)

И: А дети есть?

А: Двое.

<...>

И: А как вы с ним решили, что вот вы поедете, а не он? (Пауза.) Это вы обсуждали как-то?

А: Мы уже (пауза) давно развелись.

И: А-а, развелись (пауза), а давно? Сколько?

А: Давно? С ноября.

Информанты раскрывались довольно быстро в том случае, когда на следующие вопросы интервьюера, задавая которые он исходил из замужнего статуса женщин, информанты не могли отвечать, не создавая дальше вымышленные конструкции (фрагмент 4). Однако в некоторых случаях готовность говорить на чувствительную тему развода приходит далеко не сразу, а спустя длительное время. Ниже приведен разговор (фрагмент 5), который возник лишь через сорок минут после

²³ Разговор возле станции метро «Добрынинская». И — интервьюер, А — респондент (девушка).

²⁴ Разговор возле станции метро «Молодёжная». И — интервьюер, А — респондент (девушка).

начала интервью (при этом надо учитывать, что информант вначале не рассказывал о себе, а, выступая в роли эксперта, говорил о своих представлениях, как обстоят дела у «мигрантов из Киргизии в Москве»).

Фрагмент 5²⁵

Разговор, в котором раскрывается утаивание развода

И: А что-нибудь хорошее вам лично приезд в Россию дал?

А: Только заработок.

И: А какой-то (*пауза*) опыт жизненный?

А: (*Более быстро.*) Я, знаете вот чего, мне плохое дал (*пауза*), мы развелись с мужем.

И: Да?

А: Вот (*пауза*) это я, вот это я не говорила, вот вы уже (*смех*) привели к этому.

Ситуация утаивания развода, вероятно, не уникальна; можно предположить, что она не только возникает во время интервью, но и повторяется при анкетных опросах женщин-мигрантов (по крайней мере из Киргизии), и это ставит под сомнение надежность получаемых таким способом данных. Однако в процессе интервьюирования факт замалчивания разводов вскрывается, когда исследователь прибегает к дополнительным вопросам о семье и отношениях с мужем — вопросам, которые не всегда ставятся в анкетных опросах.

Подобным образом в одном и том же интервью информация, изложенная ранее, могла опровергаться, то есть благодаря расширенному интервью происходила триангуляция данных. Опровергаемая информация (фрагмент 6) не является сенситивной; скорее можно предположить: через умалчивание женщина-информант вначале пыталась сократить наш разговор, поскольку считала, что наличие гражданства снимает все возможные проблемы, и по этой причине ее случай не будет представлять для исследователя большого интереса. Однако спустя два часа беседы во дворе ее дома при обсуждении темы материнского капитала обнаружилось, что ее старший сын был рожден без гражданства. Вынужденное выявление этого факта смутило информанта, из-за чего возникла пауза (последняя фраза фрагмента 6).

Фрагмент 6²⁶

Разговор, в котором раскрывается отсутствие гражданства

И: А у вас оба родились тут в Москве?

А: Да-а, тут в двадцатом роддоме.

²⁵ Разговор возле станции метро «Таганская». И — интервьюер, А — респондент (девушка).

²⁶ Расширенное интервью, назначенное отдельно. И — интервьюер, А — респондент (женщина).

- И: И вы обоих родили уже с гражданством, да?
А: Да.
<...>
И: Слушайте, а вам дали, вот там дают какой-то материнский капитал?
А: Собираемся оформить документы <...> ну не знаю, должны давать
(пауза) ну, я сомневаюсь (пауза), может, не даст.
И: А почему?
А: Когда я его родила, у меня этот (пауза) не было гражданства.

Ситуации, когда в процессе интервью информация проверяется в ходе обсуждения разнообразных тем, так или иначе связанных с детьми и семьей, показывают необходимость более длительных бесед (или нескольких встреч). Продолжительные и/или регулярные интервью позволяют выстраивать коммуникацию в соответствии с принципом «покорного отношения» к информанту (a humble relation to the «subject») [34]. Этот принцип означает отказ от сложных и чувствительных для информанта вопросов и выстраивание взаимно доверительных и заинтересованных отношений таким образом, чтобы информант сам мог рассказать о своем личном опыте и наиболее интимных переживаниях.

Рождение ребенка, будучи чувствительной темой, не всегда подвергается той степени рефлексии, которая отличала, например, респондентов при исследовании больных раком груди [34], когда вопросы интервьюера скорее мешали, чем помогали нарративу информантов. В нашем исследовании вопросы были необходимы, поскольку рождение часто воспринимается как событие «естественное», подотчетное высшим силам. Поэтому, чтобы получить ценную информацию, следует выстраивать «слоеное» интервью, в котором каждый новый виток спирали разговора приводит к более глубоким пластам. При этом «заходы» не должны быть одинаковыми: разговор может строиться свободно, по форме напоминая скорее женскую болтовню [34, p. 175], но интервьюеру нужно отслеживать любую возможность, чтобы предоставить информанту новый шанс вернуться к своему жизненному опыту, предаться воспоминаниям и рефлексии. Сохранение в памяти ключевых моментов, которые необходимо затронуть и раскрыть в ходе интервью, позволяет исследователю перейти к ним, даже если беседа ведется на далекие темы; при этом следующий виток разговора дает информанту удобный случай взглянуть на тему исследования с новой точки зрения и, возможно, вспомнить что-то еще. Например, беседа о продуктах напоминает о токсикозе, рассказ о котором дает толчок уже к следующим воспоминаниям (как ни странно,

но токсикоз актуализировал родственные связи: родные, по просьбе женщины, прислали ей из Киргизии ящик персиков²⁷).

Интервью на тему рождения благоприятствуют прогулки с детьми, особенно если ребенок маленький и находится в коляске — в такой ситуации, во-первых, информант не занят и может разговаривать; во-вторых, возникающие зрительные сюжеты стимулируют ассоциативные ряды как у интервьюера, так и у информанта. Роль подобного стимулятора выполнял и вопрос о самом ярком событии в жизни. Чаще всего, особенно если ребенок родился недавно и во время интервью находился рядом с женщиной, его рождение называлось как самое запомнившееся, что пробуждало в памяти соответствующие эмоции, связанные с этим событием.

Доверие и информированное согласие через ответ на вопрос «с кем говорить?»

Одной из ключевых проблем при получении доступа в поле является мотивация информантов [32]; правда, исследователь может предложить не столь много: оказать небольшую консультативную помощь (телефоны бесплатных юристов, врачей, организаций микрокредитования для иностранных граждан)²⁸; расширить социальные сети; дать какие-то советы; удовлетворить любопытство информанта и рассказать немного о себе. Открытость, готовность делиться личной информацией, обсуждать события собственной жизни — подобные установки оказывались очень важными для интервьюера, которому предстояло выстраивать доверительные отношения с информантами и нивелировать (насколько это вообще возможно) отношения подчиненности. Благодаря этому социолог превращался в «объект изучения», а ситуации его личной жизни становились сюжетами для обсуждений. Например, живые дискуссии вызвала общая тема о приемлемых формах отношений между мужчиной и женщиной, а в частности — незарегистрированный брак. Информанты склонны были распространять эту модель на всех «нас», то есть «русских», в отличие от «киргизов» или «мусульман» (фрагмент 7, фрагмент 5). В этом же разговоре предпринимается попытка легитимации такой формы отношений через отсылку к «местной традиции», к тому, что здесь «так принято» (строки 5–8).

²⁷ Расширенное интервью, назначенное отдельно.

²⁸ Другие примеры возможной помощи исследователей см. в: [20].

Фрагмент 7²⁹**Разговор, в котором интервьюеру задается вопрос о семейном положении**

- А: А вы замужем?
 И: Нет.
 А: Нет?
 И: Но я с молодым человеком живу.
 А: Да (*пауза*) ну, у вас там все принято так, да?
 И: А?
 А: Всё принято, говорю, (*пауза*) жить (*пауза*) вот так.

Форма свободных отношений кем-то примерялась на себя (фрагмент 8), кем-то воспринималась как проблемная (фрагмент 9). Тема партнерских отношений провоцировала, с одной стороны, заинтересованное обсуждение, с другой — противопоставление «мы – они» (фрагмент 7; фрагмент 9), которое приходилось преодолевать, например, рассказывая о неоднозначности принятия такой формы отношений родителями.

Фрагмент 8³⁰**Разговор, в котором партнерские отношения примеряются информантом на себя**

- А: А вы не замужем, да?
 И: Нет, но я с мальчиком живу.
 А: Так хорошо, да? Никто не мешает, никто тебе не рассказывает; если я так сделаю — вообще плохо, о-ой.

Фрагмент 9³¹**Разговор, в котором партнерские отношения осмысляются как проблемные**

- Б: Только это делай, это.
 А: Обряды что ли?
 Б: Да-а.
 А: У нас так не положено же.
 Б: Так же нельзя.
 А: У нас менталитет другой.
 Б: Ты думаешь, чё? (*пауза*) просто так создано? <...> Надо делать, делать надо, ээ.

²⁹ Разговор возле станции метро «Проспект Мира». И — интервьюер, А — респондент (женщина).

³⁰ Расширенное интервью, назначенное отдельно. И — интервьюер, А — респондент (женщина).

³¹ Разговор возле станции метро «Добрынинская». А — респондент (женщина), Б — респондент (мужчина).

Анализируя вопросы, заинтересовавшие информантов, можно предположить, что трансформировалось само понятие информированного согласия. Классическое понимание информированного согласия связывается с вопросом «зачем говорить?» (цели исследования, проводящая его организация, заказчик, статус интервьюера, сохранение конфиденциальности данных), однако в нашей полевой работе не менее, а возможно, и более важным стало информированное согласие в связи с вопросом «с кем говорить?»³²: согласие на разговор с конкретным интервьюером, причем от последнего требовалось изложить информацию личного характера (род занятий, семейное положение, наличие детей, возраст, место рождения). Взаимное знание деталей биографии и обмен контактными телефонами давали начало сотрудничеству, которое выстраивалось на основе межличностного доверия, оказавшегося более ценным, чем институциональное.

Особенности доступа в поле как источник информации о поле

Доступ в поле — это не только практическая задача, но и потенциальный источник информации об особенностях этого поля [31, р. 41]. Так, в обсуждаемом проекте актуализировались региональные отличия северных и южных областей Киргизии³³. Обращение исследователя на улице становилось неким внешним приписыванием «киргизскости», которое, как это показано в следующем фрагменте, вызывало смущение у информантов из северных областей Киргизии.

Фрагмент 10³⁴

Разговор с мигрантами из северных областей Киргизии, вызвавший их смущение

И: Здравствуйте <...> Вы случайно не из Киргизии?

Б: (Смех.) А как вы угадали? (Смех.)

И: Не знаю (смех).

А: (Смех.)

Б: Сразу видно, да?

А: (Смех.)

В: (Смех.)

³² Ср.: «...Наш опыт показывает, что люди и не очень-то интересуются целями проекта. Чаще всего срабатывает отношение к личности исследователя: “если человек хороший, то и исследование его должно быть хорошим”» [7, с. 52].

³³ Северные области Киргизии (Чуйская, Иссык-Кульская, Таласская); южные области (в первую очередь Ошская, Джалал-Абадская). Представители северных областей составили 12 человек из 106 опрошенных (то есть из тех, кто назвал свой регион).

³⁴ Разговор возле станции метро «Перспект Мира». И — интервьюер, А — молодая женщина, Б — муж А, В — брат Б.

Смушение, выражаемое также и в смехе, обусловлено тем, что в понимании информантов-«северян» образцом «киргизскости» являются выходцы из южных областей — как правило, сельское население с характерной манерой поведения, отличающей его от городских жителей (пример — лузгание семечек). Поэтому сам факт, что внешний наблюдатель сумел идентифицировать их как приехавших из Киргизии, вызывает у информантов беспокойство.

Увидев несколько женщин, гуляющих неподалеку с маленькими детьми, информанты предложили исследователю побеседовать и с ними, предположив, что они тоже из Киргизии; а затем стали рассуждать, в чем разница между «северными» и «южными» жителями Киргизии. Для каждой группы существует свое название довольно насмешливое, если не сказать уничижительное (фрагмент 11), отражающее предполагаемый характер отношений³⁵. Если для «южан» их название не несет, как представляется, особой смысловой нагрузки, то для «северян» название, которое можно перевести как «смешанные», отражает их маргинальное положение, поскольку они сами в полной мере не могут назвать себя ни «русскими», ни «киргизами» (как раз последние и ассоциируются с «южанами»).

Фрагмент 11³⁶

**Разговор с «маргиналами» —
мигрантами из северных областей Киргизии**

В: Наши соотечественники.

А: Можете с ними тоже поговорить (*пауза*), как им живется с маленькими детьми.

Б: Я не понимаю, как с ребенком они могут.

И: Что-то мне кажется, что они с юга.

<...>

В: Да, они с юга.

А: (*Смех.*) Югославы (*смех*).

В: Да, у нас тут так их называют.

И: Югославы?

В: Да, югославы.

А: Они нас не любят — мы их не любим.

В: Да, у нас есть такая...

Б: Нас русскими обзывают (*пауза*), потому что наполовину мы на киргизском, наполовину на русском общаемся (*пауза*), из-за этого.

В: Орус чалыш называют нас.

³⁵ Эти названия, по словам информантов, не являются порождениями мигрантской среды в России, а имеют хождение и в России, и в Киргизии.

³⁶ Разговор возле станции метро «Прспект Мира». И — интервьюер, А — молодая женщина, Б — муж А, В — брат Б.

<...>

В: Типа смешанные.

<...>

А: Непонятно кто, да?

В: Да. Ты и обычаи наши до конца не знаешь, и слова наши.

А: Ты и русские до конца не знаешь, и киргизские не знаешь.

В: Да (*пауза*) и русские не до конца (*пауза*), как-то и ни туда и ни сюда.

<...>

И: А в России? (*Пауза.*) Тоже орус чалыш?

<...>

В: Здесь однозначно не русские же мы (*смех*).

«Русские» воспринимаются информантами как более «прогрессивные», а «южные киргизы» — как «отсталые», поэтому самоидентификация через дистанцирование от последних и приближение к первым позволяет повысить собственный статус и таким образом компенсировать нисходящую социальную мобильность, которую испытывают люди с высшим образованием, приезжая в Россию (фрагмент 12). Возможно, по этим причинам немногие «северяне», попадавшие в выборку, трактовали общение с «русским» исследователем как возможность несколько повысить свой статус.

Фрагмент 12³⁷

**Разговор с мигрантами из северных областей Киргизии
об «отсталых южанах»**

В: У меня соседи восемьдесят процентов русские (*пауза*). Вот даже щас (*пауза*) живём, общаемся, разговариваем (*пауза*). Наши дети вот в Бишкеке, вот наша столица, да?

И: Угу...

В: Дети на нашем языке (*пауза*) мало разговаривают (*пауза*), на русском всё.

<...>

В: А это южане, южане, вот этот (*пауза*). Ош, ошские (*пауза*), они действительно ни одного русского слова не знают (*пауза*). Низкий уровень жизни (*пауза*), восемнадцатый век (*смех*). Как в Афганистане (*пауза*). Отстают от нас (*пауза*) <...> мы из столицы.

Необходимо учитывать, что готовность к идентификации с «русскими» может содержать для социолога определенную опасность. Казалось бы, такое стремление информанта облегчает исследователю первоначальный доступ, но в значительной степени к этой ситуации

³⁷ Разговор возле станции метро «Добрынинская». И — интервьюер, В — респондент (женщина).

следует относиться лишь как к презентации, поскольку многие информанты из северных областей, желая приблизиться к образцам поведения, приписываемым «русским», в итоге склонны не обнаруживать те поведенческие модели, которые от этих образцов отличаются³⁸.

Заключение

Одна из целей, поставленных нами при обсуждении проблемы доступа в поле, — это развенчание мифов, которыми окружено то или иное сообщество (примеры такой мифологии см. в [14]). Проводя настоящее исследование, мы обнаружили довольно высокую готовность как минимум начать разговор с исследователем-незнакомцем на улице, что не соответствует ни здравому смыслу, ни ожиданиям, сформированным литературой о недоступности мигрантов [23; 49]. По крайней мере мигранты, присутствующие в публичном пространстве Москвы, которых выделила автор статьи, оказались не настолько закрытыми для общения (это может быть обусловлено тем, что у них меньше проблем с документами, чем у других). Таким образом, вход в поле «с улицы» не только не выглядит невозможным, но и имеет свои плюсы: во-первых, позволяет, в отличие от поиска по месту работы, вовлечь людей, не занятых работой или занятых в нетипичных местах (например распространителей в сетевом маркетинге); во-вторых, несет в себе некоторую спонтанность, позволяющую потенциальному информанту не спрашивать разрешения у мужа³⁹ или свекрови⁴⁰.

В ситуации такой конформной выборки становится актуальным вопрос «где искать?». В поисках ответа могут помочь и сами информанты, и собственная наблюдательность и готовность исследователя черпать информацию из всех доступных ему источников⁴¹; а диктофон

³⁸ Во время одной встречи с группой мигрантов три человека убеждали автора этой статьи, что они довольно плохо говорят по-киргизски и в основном пользуются русским языком; во время следующей встречи с этими же мигрантами можно было наблюдать, как они свободно разговаривают по-киргизски с другими людьми, присутствовавшими при нашей беседе.

³⁹ Присутствовавшие мужья, братья и другие мужчины скорее мешали интервью.

⁴⁰ Как правило, миграция в Россию — дело молодых, а свекры и свекрови чаще остаются в Киргизии; о трудностях доступа к молодым родившим женщинам через свекровей см. в: [48].

⁴¹ Например, информация о празднике «Дни стран СНГ» на ВВЦ была получена в ходе каких-то личных блужданий по Интернету; стадион, где по вечерам играют в футбол и иногда гуляют с детьми мигранты, обнаружен недалеко от дома исследователя.

всегда лежит наготове в сумке, — для этого исследователь в своей повседневной жизни должен уметь стирать границы между «работой» и «неработой». В нашем специфическом исследовании преимуществом оборачивается даже такой факт, что исследователь живет в спальном районе Москвы, где преобладает старый жилой фонд, особенно пятиэтажки хрущевского типа, в которых часто живут мигранты⁴²; кроме того, плюсом становятся поездки (возможно, по другим поводам) в разные районы города. При поиске информантов со специфическим опытом имеет смысл обдумать самые «рыбные» места, где их можно застать (в частности, в нашем исследовании ими могли быть детские площадки и детские поликлиники).

Конформная выборка вовсе не отменяет других методик поиска — в первую очередь метод снежного кома. Однако уличные обращения позволяют «широко раскидывать сеть» [25, р. 18], необходимость чего в нашем исследовании обусловлена тем, что женщины, недавно родившие детей, чаще всего сидят дома и лишены тех контактов, которые приобретаются на месте работы. Соответственно, малоэффективными могут оказаться попытки выстроить выборку снежным комом, имея контакты всего нескольких женщин, недавно родивших детей в России. В нашем исследовании не опробован еще один способ нахождения информантов, который может стать весьма продуктивным, — через мужчин (например мужей). Новоиспеченные отцы для поиска актуальной информации в связи с рождением детей (оформление документов и прочее) используют разные социальные связи, в том числе и рабочие, и поэтому могут иметь нужные исследователю контакты.

Уличные обращения и интервью, взятые на ходу, требуют моральной подготовки исследователя, поскольку подходить на улице к незнакомым людям — довольно странное занятие и напоминает в некоторой степени «поиск романтических знакомств» [27, р. 5]; правда, этнографическое исследование — это вообще нечто «ненормальное» («Человек, который постоянно что-то выпытывает, ходит из дома в дом, без разбора навязывается в гости и приятели, ведет себя „неправильно“ — и с точки зрения своего привычного образа жизни, и с точки зрения изучаемого общества» [1]), когда исследователю приходится совершать действия, внешне противоречащие привычным практикам и принятым этическим нормам [40, р. 121]. Метод уличных интервью подходит для таких тем, как миграционная карьера и

⁴² При этом мы, конечно, имеем в виду следующее: во-первых, есть мигранты со служебным жильем, в том числе и в центральных районах; во-вторых, есть другие (и более, и менее благоприятные) условия проживания; в-третьих, в других городах может быть иначе.

семья (факультативно — дети); обращения на улице и соответственно интервью, ведущиеся на ходу, могут быть особенно ценными для изучения тематики, связанной с пространством (см. пример интервью «на ходу» (go-along interview) [38]). С точки зрения социального доступа уличные интервью разворачиваются по схеме, схожей с другими этнографическими интервью, когда исследователь постепенно все глубже погружается в общение, что позволяет преодолеть выстраиваемые информантами «презентационные» идентификации.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Места проведения опроса в городе Москве

№	Место	Объект особого притяжения	Частота обращений	Доля обращений, %	Кумулятивный процент
1.	Метро «Пр. Мира»	Мед. клиника, популярная среди мигрантов из Киргизии	42	26,8	26,8
2.	Метро «Добрынинская»	Посольство Киргизии	41	26,1	52,9
3.	ВВЦ (ВДНХ)	Павильон «Кыргызстан», кафе киргизской кухни	25	15,9	68,8
4.	Метро «Молодежная»	Нет	17	10,8	79,6
5.	Метро «Электрозаводская»	Нет	11	7,0	86,6
6.	Метро «Тульская»	Нет	5	3,2	89,8
7.	Метро «Таганская»	Национально-культурный центр Киргизии	4	2,5	92,4
8.	Метро «Улица 1905 года»	Нет	4	2,5	94,9
9.	Метро «Профсоюзная»	Нет	2	1,3	96,2
10.	Метро «Академическая»	Нет	2	1,3	97,5
11.	Метро «Молодежная», стадион	Стадион	2	1,3	98,7
12.	Метро «Юго-Западная»	Нет	1	0,6	99,4
13.	Метро «Киевская»	Нет	1	0,6	100,0
	Итого:		157	100,0	

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абашин С.Н.* Форум: этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5 [online]. Дата обращения 15.02.2012. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/005/05_01_forum_k.pdf>.
2. *Бредникова О.* «Чистота опасности»: field-фобии в практике качественного социологического исследования // Уйти, чтобы остаться: социолог в поле. Сб. ст. / Под ред. В. Воронкова и Е. Чикадзе. СПб.: Алетейя, 2009. С. 17–35.
3. *Бредникова О., Паченков О.* Азербайджанские торговцы в Петербурге: между «воображаемыми сообществами» и «первичными группами» // Диаспоры. 2001. № 1. С. 131–147.
4. *Бредникова О., Ткач О.* Дом для Номады // Laboratorium. 2010. № 3. С. 72–95.
5. *Вендина О.И.* Культурное разнообразие и «побочные» эффекты этнокультурной политики в Москве // Иммигранты в Москве / Под ред. Ж.А. Зайончковской. М.: Три квадрата, 2009. С. 45–146.
6. *Воронков В.* Размышления о полевом исследовании: Вместо введения // Уйти, чтобы остаться: социолог в поле. Сб. ст. / Под ред. В. Воронкова и Е. Чикадзе. СПб.: Алетейя, 2009. С. 5–16.
7. *Воронков В.* Форум: этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5 [online]. Дата обращения 15.02.2012. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/005/05_01_forum_k.pdf>.
8. *Вышемирская И.* Когда поле труднодоступно: люди, живущие с ВИЧ/СПИДом // Уйти, чтобы остаться: социолог в поле. Сб. ст. / Под ред. В. Воронкова и Е. Чикадзе. СПб.: Алетейя, 2009. С. 90–101.
9. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / Под ред. Е.В. Тюрюкановой. М.: Макс Пресс, 2011.
10. *Зотова Н., Агаджанян В.* Социальная уязвимость и сексуальные риски женщин-мигрантов из Средней Азии в Москве // Демоскоп Weekly. 2011. № 465–466 [online]. Дата обращения 06.06.2011. URL: <<http://demoscope.ru/weekly/2011/0465/analit02.php>; дата обращения>.
11. *Космарская Н.П.* От составителя // Диаспоры. 2005. № 1. С. 6–15.
12. *Малахов В.С.* Этнизация феномена миграции в публичном дискурсе и институтах: случай России и Германии // «Понаехали тут...». Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме. М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 104–121.
13. *Ньюман Л.* Полевое исследование // Социологические исследования. 1999. № 4. С. 111–121.
14. *Паченков О.* Несовершенная инструкция для участвующего наблюдателя // Уйти, чтобы остаться: социолог в поле. Сб. ст. / Под ред. В. Воронкова и Е. Чикадзе. СПб.: Алетейя, 2009. С. 118–141.
15. *Разумова И.* Форум: этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5 [online]. Дата обращения 15.02.2012. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/005/05_01_forum_k.pdf>.
16. *Рогозин Д.М.* Конформная выборка в торговых центрах // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 22–48.

17. Ривз М. По ту сторону экономического детерминизма: микродинамика миграции из сельского Кыргызстана // Неприкосновенный запас. 2009. № 4 (66) [online]. Дата обращения 03.04.2011. URL: <<http://magazines.russ.ru/nz/2009/4/ri24.html>>.
18. Сринивасан А. Форум: этические проблемы полевых исследований // Антропологический форум. 2006. № 5 [online]. Дата обращения 15.02.2012. URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/005/05_01_forum_k.pdf>.
19. Труд и занятость в России. Стат. сб. / Росстат. М.: Росстат, 2009.
20. Чикадзе Е. Поле, которое всегда с тобой (заметки дилетанта) // Уйти, чтобы остаться: социолог в поле. Сб. ст. / Под ред. В. Воронкова и Е. Чикадзе. СПб.: Алетейя, 2009. С. 36–45.
21. Agustín L. The disappearing of a migration category: Migrants who sell sex // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2006. No. 32 (1). P. 29–47.
22. Battaglia M. Convenience sampling // Encyclopedia of Survey Research Methods. Vol. 1. / Ed. by P.J. Lavrakas. Thousand Oaks, London, New Delhi, Singapore: Sage Publications. P. 148–149.
23. Bowler I. “They're not the same as us”: Midwives' stereotypes of South Asian descent maternity patients // Sociology of Health & Illness. 1993. Vol. 15. No. 2. P. 157–178.
24. Cassell J. The relationship of observer to observed when studying up // Ethnography: Sage benchmarking in social research methods. Vol. II / Ed. by A. Bryman. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2001. P. 208–225.
25. Crang M., Cook I. Doing ethnographies. London, Thousand Oaks; New Delhi; Singapore: Sage, 2007.
26. Ensink T. The frame analysis of research interviews: Social categorization and footing in interview discourse // Analyzing race talk. Multidisciplinary perspectives on the research interview / Ed. by H. van den Berg, M. Wetherell, H. Houtkoop-Steenstra. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2003. P. 156–177.
27. Feldman M.S., Bell J., Berger M.T. Gaining access: A practical and theoretical guide for qualitative researchers. Oxford: Rowman Altamira, 2003.
28. A Companion to Qualitative Research / Ed. by U. Flick, E. von Kardorff, I. Steink. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2004.
29. George S. “Dirty nurses” and “Men who play”: Gender and class in transnational migration // Global ethnography / Ed. by M. Burawoy. Los Angeles; London: University of California Press, 2000. P. 144–174.
30. Goffman E. Relations in public: Micro studies of the public order. New York: Basic Books, 1971.
31. Hammersley M., Atkinson P. Ethnography. Principles in practice. 3th edition. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2007.
32. Henslin J.M. Studying deviance in four settings: Research experiences with cabbies, suicides, drug users, and abortionees // Ethnography: Sage benchmarking in social research methods. Vol. II / Ed. by A. Bryman. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2001. P. 3–34.

33. *Hondagneu-Sotelo P.* Gender and immigration // Gender and U.S. immigration: Contemporary trends / Ed. by P. Hondagneu-Sotelo. University of California Press, 2003.
34. *Johl S.K., Renganathan S.* Strategies for gaining access in doing fieldwork: Reflection of two researchers // The Electronic Journal of Business Research Methods. 2010. Vol. 8. Issue 1. P. 42–50.
35. *Karjanen D.* Women's "just-in-time" migration // Migration and mobility in an Enlarged Europe: A gender perspective / Ed. by S. Metz-Gockel, M. Morokvasic-Muller, A.S. Munst. Budrich: Barbara Publishers. 2008. P. 161–180.
36. *Kasper A.S.* A feminist, qualitative methodology: A study of women with breast cancer // Interviewing. Sage benchmarking in social research methods / Ed. by N. Fielding. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications, 2003. Vol. IV: 168–184.
37. *Khalaf I., Callister L.C.* Cultural meanings of childbirth; Muslim women living in Jordan // Journal of Holistic Nursing. 1997. No. 15 (4). P. 373–388.
38. *Kusenbach M.* Street phenomenology: The go-along as ethnographic research tool // Ethnography. 2003. Vol. 4 (3). P. 455–485.
39. *Landolt P., Da W.W.* The spatially ruptured practices of migrant families: A comparison of immigrants from El Salvador and the People's Republic of China // Current Sociology. 2005. No. 53. P. 625–653.
40. *Lee R.M.* Doing research on sensitive topics. Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 1993.
41. *Markova E.* The "insider" position: Ethical dilemmas and methodological concerns in researching undocumented migrants with the same ethnic background // The ethnics of migration research methodology. Dealing with vulnerable immigrants / Ed. by I.V. Liempt, V. Bilger. Eastbourne: Sussex Academic Press, 2009.
42. *McCosker H., Barnard A., Gerber R.* Undertaking sensitive research: Issues and strategies for meeting the safety needs of all participants // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. Vol. 2. No. 1. Art. 22. 2001 [online]. Date of access 07.03.2012. URL: <<http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/983/2142>>.
43. *Narayan K.* How native is a "native" anthropologist? // American Anthropologist. New Series. 1993. Vol. 95. No. 3. P. 671–686.
44. *O'Reilly K.* Ethnographic methods. New York Oxon: Routledge, 2005.
45. *O'Reilly K.* The British on the Costa del Sol: Transnational identities and local communities. New York: Routledge, 2000.
46. *Parreñas R.S.* Inserting feminism in transnational migration studies [online]. Date of access 21.02.2011. URL: <http://aa.ecn.cz/img_upload/6334c0c7298d6b396d213ccd19be5999/RParreñas_InsertingFeminisminTransnationalMigrationStudies.pdf>.
47. *Perez A.M.* Doing qualitative research with migrants as a native citizen: Reflections from Spain // Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research. Vol. 7. No. 3. Art. 1. 2006 [online]. Date of access 07.03.2012. URL: <<http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/135>>.

48. *Rashid S.F.* Accessing married adolescent women: The realities of ethnographic research in an urban slum environment in Dhaka, Bangladesh // *Field Methods*. 2007. Vol. 19. No. 4. P. 369–383.
49. *Sookhoo D.* “Race”, ethnicity, culture and childbirth // *Social context of birth* / Ed. by C. Squire. Oxon: Radcliffe Publishing, 2009. P. 85–99.
50. *St. Louis K., Calabrese Barton A.* Tales from the science education crypt: A critical reflection of positionality, subjectivity and reflexivity in research // *Forum Qualitative Sozialforschung / Forum: Qualitative Social Research*. No. 3(3). Art. 19. 2002 [online]. Date of access 07.03.2012. URL: <<http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/3-02/3-02stlouisbarton-e.htm>>.
51. *Tourism and migration: New relationships between production and consumption* / Ed. by C.M. Hall, A.M. Williams. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2002.
52. *Turner B.S.* *Medical power and social knowledge*. Sage Publications, 1995.
53. *Wayne A.C.* Interviewing undocumented immigrants: Methodological reflections based on fieldwork in Mexico and the U.S. // *Sage benchmarking in social research methods* / Ed. by N. Fielding. London; Thousand Oaks; New Delhi: Sage Publications. 2003. Vol. IV. P. 209–231.